

РОМАН МИХАЛЫЧ

СЛУЧАЙНАЯ ПОПУТЧИЦА

ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ

Роман Михалыч

Случайная попутчица.

Полная версия

«Автор»

2026

Михалыч Р.

Случайная попутчица. Полная версия / Р. Михалыч — «Автор»,
2026

Любовная история, с элементами детектива, основанная на реальных событиях, происходивших в конце девяностых годов XX века, и начале XXI. Главные герои - вымышленные, имеют собирательный образ, а все совпадения случайны. Упоминаются реальные локации, отдаленно имеющие отношения к описываемым событиям. Приятного прочтения и хороших эмоций

© Михалыч Р., 2026

© Автор, 2026

Роман Михалыч

Случайная попутчица. Полная версия

Глава I. Зимняя не сказка.

Начало нового, тысяча девятьсот восемьдесят второго года в Советском Союзе было обычным – серым и холодным. Ничто не предвещало событий, которые через девять лет навсегда изменят жизнь миллионов его жителей, разделив СССР на полтора десятка разных государств. Люди с утра привычно, еще затемно шли на работу по нечищеным тропинкам в снегу, и возвращались в сумерках – мимо освещенных витрин гастрономов, пока еще не привыкших к надвигающемуся дефициту. Зимние каникулы заканчивались, и дети с тоской смотрели сквозь календарь на уходящую в прошлое, первую декаду января.

Мне – четырнадцать, и это мои первые зимние каникулы у бабушки, в большом городе центрального Черноземья, который когда-то был мне родным. Сидя за столом в своей комнате, и глядя на заснеженные ветки деревьев в палисаднике, я доклеивал очередную сборную модель самолета для своей домашней коллекции. Такие наборы для самостоятельной сборки в то время были очень дорогими, как впрочем и сейчас, но давали предельно реалистичную модель в масштабе к реальному самолету. На полках магазинов они не залеживались, и купить такой набор было большой удачей. Меня огорчало то, что самые популярные модели отечественных лайнеров всегда раскупали быстрее, и мне никак не удавалось купить те, которые хотелось, и на которых уже летал.

Когда я собрался на вокзал за билетом на поезд домой – в далекий приволжский город, моя тетка предложила мне лететь самолетом. Разница в деньгах была не такая большая, но добраться до места можно было бы за какие-то четыре – пять часов, вместо полутора суток на поезде, включая пересадку в Москве. Идея мне понравилась, в том числе, как очередное приключение, но в тот момент я даже не представлял, каким оно окажется. Тем более, что появилась возможность вежливо отказать бабушке в двух трехлитровых банках варенья, которые она мне уже приготовила домой, в качестве гостинцев. Бабушка охала и причитала, но две банки по меньше, мне все-таки пришлось взять. Так же, она положила мне в сумку черную баночку прибалтийских шпрот в масле, чтобы перекусить в дороге.

В тот момент я подумал, что лететь недолго, а шпроты можно съесть уже дома. Вот ведь как бывает – ту баночку, вместе с другими дефицитными тогда консервами, присылал бабушке мой отец, выражая свою сыновью заботу и поддержку. Он чувствовал какую-то вину перед матерью, что женившись, не остался в родном доме, а уехал за женой на чужбину, оставив мать одну на старости лет. И теперь бабушка положила мне эту баночку в дорогу назад – в тот город, откуда она и пришла. Сборы были не долгими, а на самолет меня поехала провожать тетка, убедив бабушку остаться дома.

По дороге в аэропорт тетка сошла с трамвая на остановке возле ее работы, и я наконец почувствовал себя взрослым и самостоятельным. Рейс был утренним, на улице мела метель, но было еще темно. Я с удивлением узнал, что лететь придется на среднемагистральном Як-40, который раньше я видел только в кино или на картинках. Это был уже снаружи очень маленький самолет, стоявший на полосе, с горящими круглыми окошками, и занесенный снегом. Современные бизнес-джеты для всего одного богатого упыря выглядят примерно так же. Мне показалось, что собравшиеся на посадку, три десятка замерзающих на ветру пассажиров, в него едва ли поместятся. Пассажиры думали примерно так же, и толпились наготове, подпиная друг друга локтями и сумками, чтобы первыми попасть в салон.

Надо заметить, что мой родной когда-то город, а точнее его жители, отличались от других граждан большой страны, какой-то демонстративной хамоватостью. Меня раздражали эти манеры, особенно в случаях, когда хамивший тебе человек, зная, что он хамит, при этом еще

и ехидно улыбался. Наглость и лицемерие были визитной карточкой города. И взрослые, и дети разговаривали одинаково грубо, причем независимо от расположения собеседника. И не важно где: дома, на рынке, в трамвае, или на улице. Думаю, что выражение «Хамло трамвайное» родилось именно здесь. На моей новой родине все было проще – если ты не нравишься – то никто тебе улыбаться уж точно не будет. Так же, если улыбаются – значит все в порядке. Ну и наоборот. Лишний раз люди друг другу не хамили, уже по тому, что в ответ можно было получить в челюсть, без разговоров. Более понятные и искренние эмоции.

Понемногу светало, но метель не утихала. Посадка в самолет, что меня сильно удивило, происходила с хвоста, как в грузовой Антонов. Пропустив вперед страждущих, которые переругиваясь и толкаясь, штурмовали шаткий трап, я приготовился к тому, что сидеть придется рядом с какой-нибудь жирной хабалкой, с чесночным перегаром, воющим дитём, и грязным баулом на коленках. Утешало то, что лететь до Москвы было всего около часа, а там – в другой аэропорт, где пересадка на родной Ан-24 до дома, и еще полтора часа полета. По сравнению с забитыми пригородными поездами в деревню – вполне приемлемо. Можно было и потерпеть.

Самолет внутри поразил меня своими крохотными размерами больше, чем его внешний игрушечный вид. Было, как в автобусе ПАЗ, даже меньше. Сиденья располагались в восемь рядов, по два с каждой стороны, вдоль низкого и узкого прохода. Как эта игрушка с пассажирами может взлететь, я даже боялся представить. Но вот прошел мимо экипаж, со стройной очаровательной стюардессой – Дюймовочкой, в форменном синем пиджаке, и короткой облегающей юбке. Я как-то сразу успокоился от широких улыбок капитана и второго пилота – уверенных подтянутых мужиков с летными погонами, которые по заставленному сумками проходу, привычно ловко прошли в свою кабину. Дюймовочка, упорхнула следом.

В салоне было темно, сверху подслеповато горели дежурные фонари. И тут только, я обратил внимание на пассажирку на соседнем кресле. До этого я просто боялся смотреть в ту сторону, не желая раньше времени увидеть рядом Годзиллу с детёнышами. Я нервно про-

тер лицо рукавом куртки, не веря своим глазам. На меня, как-то снизу вверх, доверчиво и с любопытством смотрело некое милое создание, пряча улыбку в пушистый ворот своего серого зимнего пальто.

Я в тот момент жутко смутился от столь приятного сюрприза, но виду старался не подавать. Запихал свою сумку между ногами под кресло, и стал ждать - что будет дальше. Вылет задерживался. Я пытался сохранять равнодушное лицо, боковым зрением изучая свою попутчицу, когда она робко тронула меня за рукав, и шепотом спросила: не знаю ли я, когда мы вылетаем. Голос был приятным, мягким, но уверенным. Наконец, я решил обернуться в ее сторону, тоже шепотом отвечая на ее вопрос что-то заумное - про погодные условия, видимость, турбулентность и боковой ветер. Она внимательно слушала, прямо глядя мне в глаза. В этом взгляде была и первая симпатия, и любопытство, и недоверие одновременно.

Она была старше меня - лет двадцати двух, спокойная, уверенная в себе. Из за пышного воротника из чернобурки, она казалась маленькой и хрупкой. Большие, красивые внимательные глазки блестели из под челки ухоженного карэ. Прямой носик, правильные черты славянского лица. На нем - яркие темные губы. В ушах - небольшие сережки с маленькими блестящими белыми камешками. Красивая ухоженная кисть взрослой женщины, доверчиво лежавшая на моем локте. Тонкий горьковатый запах дорогих духов. Легкое дыхание на моей щеке. Все это кружило мне голову больше, чем любая фантазия из подросткового сна.

В какой-то момент я просто онемел, и не знал, как мне дальше себя вести. Дюймовочка в микрофон объявила задержку рейса. Я молил, чтобы нас не вывели в здание аэропорта, где я вдруг могу потерять свою соседку. Экипаж сжалился, и нас не выгнали из самолета. Я продолжал молчать. Моя попутчица, видимо на это обиделась, и отвернулась к окну, разглядывая снежную поземку, которую ветер трепал по взлетной полосе. Здания аэропорта было не видно за серой пеленой. Рассвело. Пассажиры ерзали в своих креслах, переговаривались друг с другом, но не возмущались. Видимость и правда была нулевой.

Прошла вечность, объявили взлет. Все послушно пристегнули ремни. Попутчица обернулась ко мне. С соседнего кресла примирительно улыбнулись ее темные губы. Три мощных двигателя нежно подхватили маленький самолет, быстро разогнали, и легко толкнули его в образовавшийся узкий просвет между облаками. Я почувствовал ее плечо, прижавшееся ко мне. Рука с аккуратными ноготками вернулась на мой локоть. Она явно боялась летать. Набрали высоту. Пассажиры облегченно выдохнули. Лайнер сделал крутой разворот, и у двери в кабину пилотов вновь материализовалась изящная тень Дюймовочки, которая с милой улыбкой, и с плохо скрываемым сочувствием к нам, объявила, что мы уходим на запасной аэродром Белгорода, что в сотне километров в противоположную сторону.

Салон зароптал, но Дюймовочка мило наврала, что погода скоро наладится, и исчезла так же таинственно, как и появилась. Немногочисленные мужчины ей дружно поверили. В Белгороде нас выгнали из теплого салона самолета, и привезли в промозглый зал старого аэропорта на запасном аэродроме. Здание имело современные, по тем временам, большие алюминиевые окна, но продувалось оно насквозь также, как дощатый угольный сарай у моей бабушки. Мне удалось разыскать облезлый буфет с длинной очередью и деревянными булочками с холодным желтым чаем. В любом случае, это было лучше, чем совсем ничего. В суматохе мы разминутись с моей попутчицей, и она оживленно болтала с какой-то теткой в зале ожидания, стреляя

в мою сторону голодными блестящими глазками. Они были далеко, и булочкой с чаем я с ней делиться не стал.

Вылетели только после обеда. Зимний день клонился к вечеру, а мы все еще болтались в воздухе, и конца этому полету было не видно. Разговаривать уже никому не хотелось, да и все насущные темы были и так очевидны. Всем просто хотелось домой. Принесла напитки и крошечные конфетки «Дюшес». Наконец, уже в сумерки, облетев столицу родины по кругу, наш бедный Як-40, пустили на посадку в Шереметьево-2, что на другом конце города. Но мы были безумно рады и этому, в отличие от недовольных тёток, с их многочисленными сумками, баулами и чемоданами, которым предстояло со всем этим добром тащиться дальше. В Шереметьево их никто не встречал. Как впрочем и нас. Предстояло как-то самостоятельно добираться: ей - во Внуково, а мне - в Домодедово.

Наш уставший и замерзший, маленький Як-40, с радостно прыгнул на ВВП, вырулил, и с облегчением избавился от надоевших пассажиров. Он моргнул нам на дорожку сигнальными огнями, и его утащил желтый буксировщик – отдыхать, в тихий дальний угол аэродрома. Мы простились с ним, оказавшись в темноте на стынушем бетоне. Другой неприятной новостью стало то, что автобуса за нами не будет, и добираться почти километр до здания аэропорта придется пешком. Меня это совсем не пугало, а вот моя попутчица немного смутилась, когда получила багаж со своей огромной спортивной сумкой. К тому моменту, я налегке уже собирался идти в сторону светящихся в темноте окон терминала.

Вспомнив, что даже не простился, я оглянулся назад. В это время какой-то незнакомец навязчиво предлагал моей бывшей попутнице свои пошлые услуги по переносу багажа. Она отказывалась, и пыталась вытащить свою сумку из его наглых рук. Я сначала растерялся, но потом направился в ее сторону. К тому моменту, самозванный «носильщик» уже отстал от нее, и она мужественно тащила по снежной бетонке свою огромную сумку двумя руками, периодически останавливаясь, чтобы перевести дух. Но и на мое предложение она отреагировала довольно странно - предложив нести сумку вместе. Я подумал, что возможно, она мне просто не доверяет, а в сумке вполне может быть все, что угодно, не исключая труп ее бывшего мужа или любовника.

Все оказалось гораздо прозаичнее. Я не знаю, что именно там было внутри, но сумка весила явно больше хозяйки. Мы вдвоем с трудом тащили ее минут двадцать, останавливаясь и меняя руки. Я не задавал вопросов – она и не рассказывала. Стоянка такси встретила нас плотоядной суетой шоферов и ломовыми московскими ценами. Ни я, ни она не были готовы к такому развитию событий. Автобусы для доставки транзитных пассажиров в другой аэропорт обещали только к утру. Моя замерзающая попутчица была в отчаянии, а я метался вокруг нее в поисках альтернативного решения.

Когда она была уже готова заплатить за такси месячную зарплату госслужащего, нарисовался жирный водила красного «Икаруса», который предложил взять всех желающих по сходной цене. Все понимали, что это тот же самый автобус, который должен был забрать транзитных пассажиров, но ввиду окончания смены, водила решил срубить лишних денег. Мы готовы были платить, тем более, что все люто замерзли, и выбор невелик, а ждать утра – это гарантировано опоздать на свой следующий рейс. Мы обреченно полезли в холодный, традиционно вонявший снаружи и внутри соляжкой, «Икарус».

Температура в салоне практически не отличалась от минус двадцати за бортом, и мы инстинктивно прижались друг к другу, убрав поручень между соседними креслами. Поговорка о том, что ничто так не сближает незнакомых людей, как общественный транспорт, заиграла новыми красками. Окна промерзли так, что можно было сломать даже самые красивые и крепкие ногти. Она пыталась согреть дыханием маленькое окошечко в плотном инее, потирая варежкой замерзшее стекло, и дрожала всем своим хрупким телом.

Мы, наконец познакомились. Она летела к родителям в далекий сибирский город, из города моего детства, где жила и работала несколько лет, кажется бухгалтером, в маленькой но успешной фирме. Но ее образ никак не вписывался в тот имидж, которым отличались его жители. Моя знакомая была очень похожа на мою любимую актрису из фильма «Тегеран-43» – Наталью Белохвостикову. То же милое детское лицо, те же огромные, как голубые блюда, умные глаза, та же наивная на первый взгляд, доверчивая улыбка. Город, откуда мы летели, она знала очень хорошо. Мы обсудили его достопримечательности, знакомые локации, поделились общими впечатлениями. Она то мне и объяснила, почему его жители такие наглые, хитрые и лицемерные, в отличие от жителей других городов.

Все дело было в том, что наше заботливое государство, долгие десятилетия, еще с царских времен, высылало неблагонадежных жителей их Москвы за «сто первый километр», дабы не омрачать столичной жизни в глазах мирового сообщества. Преступники, барышни с низкой социальной ответственностью, бродяги, беглые каторжане, и слишком предприимчивые жулики, в компании с наиболее яркими представителями разных диаспор, селились рядом с обозначенной сто первой границей, желательно в южном направлении, в аккурат и в нашем большом городе тоже.

Тут всегда тепло, сыто, и через город пролегал богатый транзитный путь на юг. Было где реализовать свои не всегда законные навыки и умения, заодно поделившись с коренными жителями своей культурой и традициями. Казачество, уставшее воевать южных на границах империи, двигалось в сторону столицы, по пути оседая в крупных городах. Цыгане тоже уважали местный климат, платежеспособность разношерстного местного населения, и селилось целыми таборами в хлебосольных окрестностях. Основным транспортом был трамвай, соединявший паутиной рельс все уголки большого города..

В этот момент я вспомнил про баночку шпрот, которые заботливо положила мне в сумку бабушка. Я стеснялся ей предложить, но голод точно был «не теткой», а мы оба ничего не

ели с самого утра. Она согласилась с таким непосредственным искренним восторгом, что я тут же открыл заветную баночку туристическим перочинным ножом, который всегда брал в свои поездки. Она достала хлеб, и мы тем же ножиком, выдвинув лезвие с вилкой, быстро и с удовольствием опустошили банку с пряными маленькими рыбками. У нее оказалась бутылка зелёного газированного «Тархуна», которого я раньше никогда не пробовал.

Это был великолепный и незабываемый ужин. Из хриплых динамиков старого радиоприемника в автобусе нам пел Александр Новиков, я рассказывал ей какие-то свои школьные истории, мы были счастливы, и «...хотели заразительно и звонко, и подавали нежелательный пример. Она была - вполне приличная девчонка, а я еще - вполне приличный кавалер». Водила улыбался нам в салонное зеркало, а немногочисленные замерзшие пассажиры с любопытством и завистью поглядывали в нашу сторону.

Прижавшись ко мне, она тоже рассказывала какие-то милые глупости, я ее не слушал, а только чувствовал ее горячее дыхание где-то совсем рядом, возле уха, у правой щеки. Ее губы, пахнущие рыбой и остатками душистой помады, были совсем рядом, а я был слишком молод, и не знал что делать в подобных ситуациях. Она это чувствовала, и сильно сжимая мою руку, буквально наслаждалась нашим невинным флиртом и своей безопасностью. Нам стало жарко, она расстегнула воротник пальто, и доверчиво положила свою аккуратную маленькую голову мне на плечо, не выпуская из своей руки мою ладонь.

От тяжелого перелета, предстоящей пересадки на другой рейс, от ее тепла и дурманящих горьких духов, голова моя кружилась, и я мечтал только о том, чтобы эта поездка никогда не закончилась. Автобус несся сквозь ночь, освещая заметаемую снегом левую полосу на МКАД. Она спала у меня на плече, а я боялся пошевелиться, чтобы не разбудить ее. Спать мне совсем не хотелось. Голос популярного барда в динамике приглушенно пел дальше, пережёвывая заезженную кассету: «Кварталы и дворы стихали и пустели, и город вскоре обессилевший затих. Как не хватало нам всего одной постели, Всего одной, но только на двоих!...»

Я гладил ее нежную руку, лежавшую в моей ладони, в сумерках плафона, разглядывая ее красивые пальцы, с аккуратно покрашенными темным лаком ногтями. Никогда раньше я не касался такой нежной девичьей руки. Вдруг на внутренней боковой стороне указательного пальца, я ощутил довольно заметную рваную линию небольшого шрама, который тянулся прямо от ногтя, и спиралью уходил далеко к основанию пальца. Беденькая, наверно это был очень болезненный порез, раз остался такой глубокий след – мысленно пожалел я ее.

Через два часа мы были во Внуково. Вдали сиял огнями, как новогодняя елка аэропорт. Появились, мигающие желтым глазом, светофоры. Мое сердце сжалось от ожидания неизбежной разлуки. Она проснулась, встряхнула прическу, и застеснявшись, опустила глаза. Пока она причесывалась, и красила губы, глядя в маленькую черную пудреницу, меня не покидало ощущение нереальности происходящего. Я готов был отдать пол жизни, чтобы остаться с ней навсегда. Но что я, обычный школьник, мог ей тогда предложить ? Она была красива и недосыгаема, как сказочная Снежная Королева.

Автобус остановился, злобно зашипел, и открыл дверь. Водитель выжидательно пялился на нас в зеркало. Надо было расставаться. Она вдруг лихорадочно оторвала кусок страницы подвернувшегося журнала, и маленькими буквами, прыгающим от волнения почерком, что-то написала, и положила мне в ладонь. Ее руки дрожали. В глазах блеснули слезы. На нижнем правом веке у нее была крошечная родинка, напоминавшая еще одну - темную слезинку. Я в полном смятении помог вытащить ее неподъемную сумку на тротуар перед терминалом. Пассажиры внимательно и непонимающе смотрели на нас. За время поездки они уже не раз обсуждали наш странный мезальянс, и единодушно пришли к выводу, что все это довольно мило. Прощание получилось неловким и от этого скомканным. Я нерешительно переминался с ноги на ногу. Она отводила взгляд. Ты звони. Обязательно. Я кивнул.

Метель не стихала. Автобус зарычал, я прыгнул в дверь, и прошел на свое место. Рядом остывало одинокое кресло, а тающий снег стекал по моим щекам. В оттаявшее окно я не смотрел. Было душно, воняло соляжкой и потными пассажирами. Думать ни о чем не хотелось. В голове звенела пустота. Меня ждал следующий рейс в Домодедово. Я потерял счет времени. Перед глазами стоял ее образ на заснеженном летном поле. И маленькая черная слезинка в левом глазу. В горле стоял ком, и предательски першило. Впереди было еще восемьсот с лишним километров. Но на этом мои приключения не заканчивались.

Старенький Ан-24, запорошенный снегом, почти сутки преданно стоял на посадочной площадке. Погода накануне везде была нелетная, поэтому я успел. Прозвучал надоевший переливчатый звонок в зале ожидания, и безразличный голос диктора объявил посадку. Бессонница сказывалась, и под рев винтов двух изношенных турбовинтовых двигателей, я наконец задремал. Калейдоскоп снов ослеплял мое подсознание, но что-то приятное и неуловимое постоянно ускользало от меня, а я судорожно пытался поймать его и не мог. Я чувствовал запах ее духов, и казалось, что она рядом, и ее голова все еще лежит на моем плече. Но я понимал, что это не так. Просыпаться не хотелось.

От ощущения яркого солнца, я открыл глаза, и обернувшись на соседнее кресло, вздрогнул. Незнакомая усталая женщина, сидящая рядом, что-то безуспешно пыталась разглядеть в окно. От нее я узнал, что мы шли на посадку, но совсем не там, куда я направлялся. Вокруг были незнакомые лица, чужая стюардесса простуженным голосом просила пристегнуть ремни.

Город Горький, как обычно, встретил нас лютым холодом, пронизывающим шквалистым ветром, снежными заносами и насквозь прокуренным аэропортом. Какие-то триста пятьдесят километров для меня по прежнему были недостижимы. Ждать вылета, безнадежно глядя на январскую метель за окном, сил уже не было. Кругом холод, суета, нервные пассажиры, очереди, плачущие дети. Все обрыдло, и ничего не радовало. Не хотелось ни есть, ни пить, да и вообще двигаться не хотелось.

Прослonyaвшись по аэропорту два часа, я понял, что шансов добраться домой самолетом практически нет. Поехав на поезде, я был бы уже дома. Таковы особенности перелетов в зимнее время. От меня в данной ситуации мало что зависело. Надо было либо ждать, либо искать другое решение.

От собратьев по несчастью, я узнал, что где-то в городе, от места со звучным названием – «площадь Лядова», ходят регулярные автобусные рейсы в мою сторону, и недолго раздумывая, через некоторое время, пересел на еще более древний, кривой на один бок, междугородний «Икарус». Пять часов пытки на продавленном дерматиновом сиденье, в компании транзитной публики, меняющейся на каждой второй остановке, скоро вымотают меня окончательно. За окном тоскливо поплыли индустриальные городские пейзажи.

Автобус был ровесником пожилого высокого нервного водителя, дымящего смрадной дешевой папиросой в открытое окно. «Икарус» надрывно ревел, прыгая с передачи на передачу на бесконечных спусках и подъемах, а мужик за рулем злился на весь мир, и матерился в прокуренные мокрые усы. Характерный длинный прямой нос, и небрежность в одежде, выдавали в нем коренного горьковчанина.

Горький в те годы был крупным промышленным центром, и особым гламуром не отличался. Жители, в большинстве своем, были работниками многочисленных заводов и фабрик, но и лучшие в союзе инженера тут тоже попадались. Здесь работали крупные автозаводы, судостроительные верфи, и много чего другого из тяжелого машиностроения. Горьковчане отличались добродушием, но в силу нелегкой рабочей жизни, могли и обматерить, и дать в морду, особенно будучи выпивши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.